

ВИДЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НОРМ И ЦЕННОСТНАЯ НАГРУЖЕННОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Смещение нормативного и позитивного анализа в рамках экономической теории – проблема, которая продолжает сохранять свою актуальность. Одна из причин, почему решение этой проблемы не является очевидным, возможно, кроется в характере предмета экономической науки, а именно в связи явлений экономической реальности с целенаправленными действиями людей.

Можно говорить о том, что экономические явления имеют гуманитарную природу, отличную от природы явлений естественнонаучных. Факты неживой природы также как и экономические факты являются результатом действия, но действия природных сил. Суть различия заключается в том, что с некоторых пор действия сил природы не рассматриваются исследователями как целенаправленные, они представляются результатом механического взаимодействия различных явлений и их врожденных свойств. Такой картина физического мира была не всегда. Достаточно вспомнить античные идеи о движении как движении к цели (Платон, Аристотель), а также примеры телеологического восприятия мира в Средние века. Одним из таких примеров является концепция «боязни пустоты» (*fuga vacui*), которой объяснялось движение воды по трубке, наполненной вакуумом. На этом фоне механистическая картина мира, которая была предложена, в частности, Ньютоном, носила революционный характер. Она не нуждалась в таких понятиях, как внутренняя «интенция» (тоже схоластический термин), т.е. внутреннее стремление вещи к определенной цели, конечной точке. Всякое движение теперь воспринималось как механическое взаимодействие свойств различных явлений. Мир, воспринимаемый как механизм, не требовал осмысления, поиска цели и смысла. Он требовал наблюдения и расчетов, что, в том числе, и создало базу для формирования нового вида знания – естественнонаучного, основанного на исследовании внешних фактов. Показательно, что именно с этого времени естественные науки стали формировать метод, который в дальнейшем стал считаться идеалом позитивного анализа.

Действия людей намного сложнее представить как механистические. Понятия воли, свободы выбора, персональной ответственности за этот выбор являются неотъемлемой частью философских, этических и религиозных представлений о поведении человека. В рамках этих концепций действия людей представляются как намеренные, т.е. связанные с выбором цели и средств достижения этой цели. Они отличаются от естественнонаучной концепции движения тем, что в первом случае причиной этого движения выступает волевое решение человека относительно направления и характера действия, во втором –

ненамеренное взаимодействие внешней среды и врожденных свойств предмета. В результате все гуманитарные факты, т.е. факты о явлениях, представляющих собой в той или иной степени результат человеческой деятельности, приобретают телеологический характер.

Это касается и экономических фактов. Даже если они представлены как эмпирически наблюдаемое повторяющееся явление, они не могут интерпретироваться как естественнонаучный факт, т.е. как результат механического воздействия внешних факторов на некое явление (субъект), обладающее заданными характеристиками. Поскольку они связаны с действующим субъектом, постольку они зависят от его намерений.

Безусловно, существует технологическая составляющая экономических процессов, подчиняющаяся естественнонаучным закономерностям. В частности, это имел в виду Дж. С. Милль, когда в своем экономическом труде предложил разделить сферу производства и сферу распределения. Но любопытно, что в методологическом эссе 1844 года¹ он утверждал, что все факты, относящиеся к взаимодействию человека и природы, по определению имеют смешанный характер: они зависят как от законов природы, так и от законов морали (духа). Наглядным примером того, что не технологическая целесообразность определяет в конечном итоге характер экономических действий людей, являются эмпирические данные о поведении крестьянских хозяйств, приведенные Чаяновым в его работе «Организация крестьянского хозяйства»². Решение о применении имеющихся технологий (молотилок) определяется не «бухгалтерски рассчитанной» экономической выгодой, а целями, которые преследуют экономические агенты.

Одной из фундаментальных предпосылок взаимосвязи экономических фактов и целевой функции хозяйствующих субъектов, на наш взгляд, является природа одной из центральных категорий экономической реальности – понятие экономического блага. Представляется логичным, что любой предмет получает значение экономического блага в силу того, что попадает в область внимания человека, преследующего экономические цели. Именно человек и его стремление к реализации определенных интересов придают вещи значение блага и интенсивность этого значения. Само понятие предполагает, что предмет классифицируется не просто по своим объективным свойствам, а в связи с оценкой полезности этих свойств со стороны экономического агента. Предмет оценивается либо как цель, либо как средство для достижения этой цели. В экономической науке эта идея высказывалась целым рядом экономистов, особенно в

¹ Mill J.S., 2003

² Чаянов А.В., 1989

рамках неоавстрийской традиции и теорий предпринимательства³. О субъективизме понятия экономическое благо говорится и в рамках теорий экономической этики⁴. От подобного субъективного характера экономических фактов можно абстрагироваться, но это не изменит их природу.

Таким образом, можно утверждать, что специфической характеристикой предмета экономической науки является связь экономических фактов с деятельным субъектом, что придает этим фактам телеологический характер. Вопрос в том, является ли телеологическая природа экономических фактов неизбежной причиной возникновения нормативного характера исследования этих фактов. С одной стороны, указанные свойства предмета экономической науки могут в целом создавать препятствия для безусловного применения естественнонаучных (позитивных) методов анализа, поскольку эти методы основаны на механистическом понимании взаимодействия элементов природы. Подобную точку зрения, в частности, высказывали Р.Хейлбронер⁵, Л.фон Мизес,⁶ считая, что общественные факты носят телеологический характер и потому их нельзя понять, предварительно не установив мотивы поведения людей. На основании этого они отрицали методологический монизм естественных и гуманитарных наук⁷. Аналогичные рассуждения можно найти и в этических работах Ф.Найта⁸.

С другой стороны, именно телеологический характер экономических фактов сближает экономическую проблематику с этической, о чем неоднократно писалось в рамках теорий экономической этики⁹ и, собственно, объясняет возникновение самих этих теорий. Любое рациональное волевое действие имеет этическое содержание, поскольку непосредственно связано с оценивающим сознанием. Оно направлено на реализацию целей, которые всегда для субъекта имеют ценностное значение. Таким образом, действуя, человек реализует свои представления о должном и не должном. А это и

³ Косвенно эта идея проявляется в теории капитала австрийской школы (К.Менгер, Е.Бем-Баверк), согласно которой функции благ не фиксированы (что характерно для классической традиции), они могут выступать и предметом потребления, и средством производства различного «уровня». Их «предназначение» определяется человеком. Более ярко идея субъективности понятия экономическое благо звучит в работах Й. Шумпетера: с его точки зрения открытие потребительских и производственных качеств благ является функцией предпринимателя. На похожей идее базируется один из пунктов критики плановой системы Ф.Хайеком. Он утверждает, что плановая экономика не обладает механизмом определения истинной цены товаров и средств производства, поскольку не способна раскрывать новые потребительские и производственные свойства благ. Только предприниматели, в процессе свободной конкуренции за ресурсы, способны определить реальные альтернативные издержки использования благ и, следовательно, установить эффективную цену.

⁴ Козловски П., 1999, с. 110

⁵ Heilbroner R.L., 1973

⁶ Мизес Л., 2000

⁷ Их идеи повторяют позицию «марбургской школы» (Коген, Наторп, Штаммлер), разделявшей науки на объективирующие и субъективирующие

⁸ Knight F., 1940

⁹ Например: Козловски П., 1999, с. 7, 16.

является предметом этики. Именно такие действия являются предметом и экономического анализа, в связи с чем этот предмет оказывается непосредственно связан с категорией ценности. В частности, Ф.Найт утверждал, что экономика и этика тесно связаны друг с другом постольку, поскольку они обе имеют дело с проблемой ценности¹⁰. Подробно об этом писал М.Вебер, указывая на то, что все явления общественной жизни относятся к области культуры, их значимость определяется теми культурными ценностями, которые приняты в обществе¹¹.

Тем не менее, сохраняется вопрос, возможен ли анализ целенаправленных действий вне взаимосвязи с этикой. Возможно, не всякое действие связано с процедурой оценивания реальности. На наш взгляд необходимы как минимум два условия для того, чтобы поведение человека приобрело этическое значение. Первое условие – свобода воли, т.е. свобода выбора цели. Целенаправленное действие может быть результатом инстинктивной реакции человеческой природы на внешние явления, а также результатом подчинения непреодолимым внешним обстоятельствам, которые, к примеру, могут ставить под угрозу выживание человека и его рода. В таких условиях сложно говорить о ценностно окрашенном выборе, если только не сводить ценности к животным инстинктам. Второе условие – противоречивость или конкурентность различных целей, что собственно создает необходимость сопоставить ценность этих целей для выбора одной из них¹². Если убрать эти две предпосылки, то целенаправленность действий человека перестанет иметь столь выраженную ценностную окраску.

Таким образом, можно наметить два возможных варианта рассматривать действия людей, не обращаясь к вопросу о ценностях. Во-первых, представить эти действия как результат взаимодействия внешних факторов и универсальной (непреодолимой) природы человека, как в рамках механистической модели экономики, или представить эти действия как результат естественного отбора в рамках экономической «биосистемы» (социобиология, эволюционная экономическая теория). Во-вторых, можно представить экономические цели логически последовательными и не конкурирующими между собой (теории гармонии интересов, в том числе классовых, индивидуальных и общественных и т.д.).

Тем не менее можно сделать вывод, что в силу специфики предмета экономической теории, требующей изучения целенаправленных действий и их результатов, потенциально формируется пространство для проникновения оценочных категорий в экономическую теорию.

¹⁰ Knight F., 1922, pp. 454-481

¹¹ Weber M. 1949

¹² См. Homans G., 1978, p. 531-541

I. Типы оценочных суждений

На наш взгляд можно выделить три типа норм, которые характерны для экономического анализа.

А. Этические нормы

Первый тип оценочных суждений непосредственно относится к области этики. Если поведение является целенаправленным, т.е. является сознательным стремлением человека к определенной цели и выбор цели является в той или иной степени свободным¹³, возникает широкое поле для этической оценки осуществленного выбора. Оценивается как достоинство (ценности) выбранных целей, так и достоинство (соответствие) средств в их отношении к целями, для достижения которых они используются.

Даже если экономист старается избежать осознанных этических оценок в отношении тех целей, которые преследуют наблюдаемые им экономические агенты, это не решает проблему полностью. Сам предмет исследования, в силу его связи с интересами людей, оказывается неизбежно пропитан ценностными понятиями. В естественных науках ценностная характеристика того или иного явления в ходе фундаментального исследования никак не проявляется. У физических явлений нет имманентного ценностного значения, оно придается субъектом, когда он включает эти явления в свое жизненное пространство. Выявление этого значения – отдельная теоретическая задача, которой занимаются, в частности, прикладные области естественных наук или история материальной культуры. Этого нельзя сказать об экономической теории. Любой экономический факт, любая выявленная экономическая закономерность изначально является частью жизненного, культурного пространства человека, а потому они изначально несут в себе культурное, ценностное значение. Экономическая теория уже в ходе чисто теоретических исследований вынуждена оперировать такими понятиями, как человек и его благосостояние, безработица, диверсификация доходов и проч. Экономисты могут исследовать эти явления как объективные факты экономической действительности, но поскольку они непосредственно связаны с человеком, они являются частью культурного пространства. Это наделяет их дополнительным культурным значением.

Какова природа этих культурных значений или ценностей? В первую очередь это могут быть общечеловеческие ценности. Анализируя факты хозяйственной жизни, экономист так или иначе мыслит в рамках таких категорий как ценность человеческой жизни, здоровья, самореализации, благополучия и их ценностного значения. Во-вторых, это ценности, связанные с различными общественными целями – политическими,

¹³ Это означает, что система экономических взаимосвязей в целом должна рассматриваться как не механистическая и не детерминированная – экономические агенты сами, с определенной степенью свободы, выбирают цели, которые они преследуют, и средства для их достижения.

социальными, а также экономическими как они интерпретируются обществом. Политическая философия определяет расстановку приоритетов между интересами отдельных индивидов, групп и государства. Например, неоднократно в историко-экономической литературе подчеркивалась связь модели совершенной конкуренции с политическим идеалом демократического общества. Точно также культурная среда, это признано и экономистами, определяет иерархию материальных предпочтений потребителей. В результате любой выявленный факт, закономерность, сформулированный вывод, является частью ценностно поляризованного культурного пространства.

Можно выделить несколько «путей», по которым этические ценности проникают в экономический анализ. Во-первых, сам экономист, исследуя предмет, столь непосредственно связанный с ценностями, вряд ли в состоянии полностью абстрагироваться от своих этических воззрений. Как минимум существуют фундаментальные общечеловеческие нормы, вне которых человеку сложно воспринимать общественную реальность. Об этом, в частности, пишет Хейлбронер.¹⁴ Он считает, что экономисты – хотят они этого или нет – связаны с той культурной и общественной средой, в которой они живут, а потому имеют определенные ценностные ориентиры, которые не могут не проявлять себя при анализе такого предмета, который пропитан связями с общественными ценностями. Фундаментальные общечеловеческие нормы формируют определенные границы исследования, за рамки которых ученый в силу антропоморфичности своего мышления просто не в состоянии выйти. Этические воззрения предстают как априорные формы познания социальной действительности, подобно категориям времени и пространства в познании материального мира.

Во-вторых, исследователя интересует тот мир, в котором он живет¹⁵. А неотъемлемой характеристикой этого мира, если речь идет об общественных феноменах, являются ценности. О том, что ценности это своего рода объективные описания мира, говорит целый ряд современных философов.¹⁶

В-третьих, в связи с тем, что экономические исследования касаются ценностных представлений, они могут оказывать влияние на этические представления в обществе. Отсюда возникает проблема социальной ответственности ученого, о которой, в частности, пишет известный социолог Джордж Хоманс, когда отмечает нежелание большинства ученых обсуждать генетические различия людей, не смотря на подозрение, что эти

¹⁴ Heilbroner R.L., 1973

¹⁵ См. Мизес Л., 2000

¹⁶ Блауг приводит в пример две работы: Hudson W.D., *The Is-Ought Question. A Collection of Papers on the Central Problem in Moral Philosophy*, London: Macmillan, 1969; Black V., 1970, *Margins of Precision. Essays in Logic and Language*, Ithaca: Cornell University Press, 1970, ch.3

различия существуют и существенны для объяснения социальных явлений¹⁷. Сам Хоманс считает, что социальная ответственность ученого сводится в первую очередь к раскрытию истин. Тем не менее, проблема этической ответственности существует и может влиять явно или неявно на определение задач исследования и характер научных выводов.

Таким образом, этика формирует теоретические ограничения, в рамках которых действует ученый. В первую очередь это проявляется в выборе проблематики исследования, в выборе того, что заслуживает научной разработки¹⁸.

Наконец, даже если сам автор старается избежать этических выводов относительно того или иного экономического явления, его исследование неизбежно попадает в ценностно поляризованное пространство общественного мнения. Даже если для ученого категории общественное благо, экономический рост, дифференциация в распределении доходов, уровень безработицы являются ценностно нейтральными объективными характеристиками той или иной экономической системы, они приобретают ценностную окраску, как только его теория становится частью интеллектуального и культурного пространства. Можно изучать инфляцию, не определяя своего отношения к этому явлению, но как только устанавливается эмпирическая, объективная зависимость между инфляцией и темпами роста экономики, эта зависимость приобретает ценностную окраску в обществе, в котором тем или иным образом определено отношение к экономическому росту.

Столь характерные для конца XIX века обвинения экономистов в политической предвзятости и ответная борьба против смещения теоретического исследования и практических рекомендаций, политических предпочтений исследователя наглядно демонстрирует, насколько переплетенными оказываются эти две части экономического дискурса. Если автор описывает определенную экономическую систему и ищет в ней признаки эффективного функционирования, публикой это воспринимается как апологетика, пропаганда данной системы, т.е. формирование определенных оценок¹⁹.

Б. Логические нормы (Прагматические нормы, нормы-инструкции ??)

Второй тип оценочного суждения связан с оценкой значимости тех или иных явлений как средств для достижения определенных целей. Сами цели не подвергаются оценке, они могут быть заданы любым образом – эмпирически, логически или нормативно. Оценка формируется при анализе внешних эффектов того или иного явления, в зависимости от того, как эти эффекты воздействуют на установленную целевую

¹⁷ Homans G., 1978, p. 536-537

¹⁸ См. об этом: Weber M., 1949

¹⁹ См. об этом Кейнс Дж.Н., 1899

функцию. Такой тип анализа в целом имеет форму научного вывода о характере воздействия того или иного явления на окружающую среду. Например, вывод о том, что один вид поведения приводит к получению большей прибыли, нежели другой, и в следствие этого является более эффективным, носит формально вполне позитивный характер.

В этой связи в рамках современной экономической теории существует мнение, что подобные нормативные утверждения не являются проблемой для научного метода познания. В частности, Т. Хатчисон отмечал, что выводы о том, что определенные процессы будут иметь определенные последствия, являются полностью научными, не имеющими ценностного содержания²⁰. Он утверждал, что даже если эти выводы сформулированы с помощью оценочных понятий, за ними стоят чисто научные доказательства. Например, если понятие «оптимальная фирма» отражает лишь эмпирически проверенный факт о том, что такая фирма имеет минимальные средние издержки, то это понятие является абсолютно позитивным, т.к. в любой момент может быть переведено на язык позитивного знания. Он сравнивает такой тип выводов с практическими инструкциями, которые формирует любая наука, когда задумывается о своем практическом назначении.

Тем не менее, такого рода выводы как минимум определяют приоритетность одного явления по отношению к другому и потому содержат определенную оценку. Такая оценка сама по себе еще не является ценностным суждением: то, что три больше двух – тоже оценка. Но если исследование затрагивает область, где существуют цели, а следовательно расставлены определенные приоритеты, такая оценка превращается из чисто фактологической в ценностную. Если задано стремление к большему количеству, то чисто позитивное утверждение « $3 > 2$ » приобретает ценностное значение «три лучше, чем два».

На наш взгляд, проблема такого рода нормативной нагруженности экономической теории кроется в изначальной практической направленности экономического знания, в том, что ее предмет связан с целенаправленными действиями людей, а следовательно даже в рамках фундаментальных исследований экономист вынужден касаться практических целей индивида или социальных групп. Если составной частью изучаемой среды является целевая установка, то неизбежно в ходе анализа влияния отдельного фактора на эту среду возникает вывод о его влиянии на возможность реализации этой целевой установки. Это и придает оценочный характер по сути чисто научному суждению. Таким образом, в экономической теории значимость того или иного явления

²⁰ Hutchison T.W., 1960, pp. 153-155

становится очевидной (в той или иной степени) уже в процессе чисто фундаментальных исследований его причин, его свойств и его влияния на экономическую систему.

В естественных науках физическим явлениям не приписывается цель, равно как и физическому миру в целом, поэтому информация о влиянии одних объектов на другие имеет чисто познавательный характер. Оценка раскрытых свойств возникает позже, когда человек примеряет эти свойства к своим практическим интересам. Именно человек с его целями определяет значимость того или иного явления как средства для достижения этих целей. Благодаря этому, в рамках естественных наук довольно легко провести границу между чисто теоретическими и прикладными исследованиями. Именно последние занимаются формированием нормативных утверждений о том, какие свойства изученных явлений могут благотворно влиять на достижение тех или иных практических целей.

В экономической теории намного сложнее отделить исследование явлений такими, какие они есть, от их оценки с точки зрения экономических целей и ценностей. Во-первых, долгое время экономическая наука сама ставила перед собой чисто практические задачи, такие как поиск средств для достижения наибольшего благосостояния или механизмов наиболее эффективного распределения редких ресурсов. Это было наиболее характерно для экономической теории XVIII-XIX вв.²¹ В результате, изначально заданные целевые установки делали любые выводы относительно соответствия тех или иных экономических явлений этим целевым установкам, ценностно окрашенными. Научно доказанная экономическая эффективность определенной модели экономики превращала эту модель в идеал, требующий в том числе воплощения в реальной жизни. Подобная нормативная окраска чисто научных моделей экономистов XIX века подчеркивалась неоднократно в рамках истории экономических учений. В качестве примера можно привести слова П. Самуэльсона, который писал, что «по крайней мере со времен физиократов и Адама Смита большинство экономистов не покидало чувство, что в некотором смысле совершенная конкуренция представляет собой оптимальную ситуацию»²².

В силу прямой или опосредованной связи экономической теории и экономической практики, сформированный научный идеал легко превращался в практический идеал, требующий реформирования реальной экономической системы и проведения определенной политики. «Изначально «научная» экономическая теория была последовательно нормативной. Углубляя понимание «экономических законов», она надеялась приблизить фактическое устройство экономики к жизнеспособному идеалу ее

²¹ См. об этом Вальрас Л., 2000, Раздел 1.

²² Самуэльсон П., 2002

организации, максимизирующей создаваемое богатство; отсюда прочная связь экономической мысли девятнадцатого столетия с политикой *laissez-faire*»²³, пишет Р.Скидельски. Не-позитивный характер модели совершенной конкуренции подчеркивает и М.Блауг. Он отмечает, что тезис об эффективности этой модели является принципиально не-фальсифицируемым. Экономисты не желают пересматривать его ни при каких эмпирических опровержениях²⁴.

О том, что практическая направленность исследования и нормативный характер этого исследования тесно связаны между собой, говорит и тот факт, что в рамках теорий экономической этики часто звучат призывы вернуть практический характер экономической науке, нацеленность на человека, реализацию его интересов.²⁵ В этой связи кажется закономерным и то, что А.Пигу, создатель нормативной традиции в теории общественного благосостояния, настаивал на том, что экономическая наука должна быть ориентирована на решение реальных практических проблем²⁶.

Но даже если сам экономист не формулирует никаких экономических целей и задач, а следовательно не определяет для своего исследования никаких приоритетов, это исследование все равно будет ценностно «поляризованным». Ее будет задавать целевая установка экономических агентов. Даже если субъективные цели, например, рост индивидуального благосостояния, обозначены просто как предпосылка модели и им не придается никакого ценностного значения автором, любые чисто научные выводы относительно влияния различных экономических явлений на уровень этого благосостояния моментально приобретают ценностную окраску. Само существование «целеустремленного» субъекта, а следовательно существование целевой функции как составной и существенной части экономического механизма, формирует ценностно «поляризованное» пространство. Все экономические явления как бы примеряются к этой целевой функции, оцениваются как возможные средства или помехи для ее реализации. Тем самым они превращаются в ценности. При этом сам экономист может не разделять идеалов экономического индивидуализма, отстаивающих первостепенное значение благосостояния отдельных индивидов.

Наглядным примером смешанности чисто научных и ценностных утверждений является понятие экономической эффективности. С одной стороны, утверждение об

²³ См. Скидельски Р., 2005

²⁴ Блауг М., 2004

²⁵ «Этика напоминает о том, что наука есть практика и что она как научная практика должна ставить перед собой вопрос о пригодности ее парадигмы для понимания человеком самого себя. Движение от научной парадигмы изучения неживой природы, физикализма, к такой науке, которая в своей научной практике сама учитывает субъект науки – человека, имеет особую значимость для экономической науки, поскольку она является практической дисциплиной, наукой об осознанной деятельности», Козловски П., 1999, с. 15-16.

²⁶ См. Блауг М., 1994, сс. 551-553, Селигмен Б., 1968, с. 311-312

эффективности того или иного явления или действия является результатом чисто научных рассуждений о влиянии этого явления на уровень индивидуального или национального дохода. С другой стороны, поскольку рост этого дохода является принятой целью экономического субъекта, возникает оценочное суждение, связанное с ответом на вопрос, может ли данное явление быть средством для достижения его цели.

Таким образом, даже если сам экономист не задает своим исследованиям определенной практической (экономической) цели, эти цели уже присутствуют в самом предмете в виде целевых функций экономических агентов и они сами по себе создают пространство для формирования ценностного значения чисто научных выводов о характере экономических эффектов.

* * *

Два указанных вида оценочных суждений формируют два вида норм, которые схожи между собой как по своей природе, т.к. на наш взгляд непосредственно связаны с телеологическим характером экономических фактов, так и по своему значению, поскольку напрямую формируют представления о преимущественном состоянии того или иного экономического явления. В первом случае речь идет об этических нормах, которые привносятся извне, из того культурного пространства, в котором работает экономист и в которое попадает экономическая теория. Во втором случае речь идет о нормах-целесообразностях или прикладных нормах, которые формируются самим ходом исследования, в силу того, что это исследование в той или иной степени связано с решением практических задач, с реализацией практических интересов людей. Первый вид нормы относится к проблеме соотношения экономики и этики. Второй – к проблеме соотношения экономической теории и экономической практики. Первый вид нормы определяет этическое значение явлений и касается проблемы целей. Второй вид нормы определяет практическое значение явлений и касается оценке средств в отношении принятых как факт (неважно, каким образом) целей. Все явления рассматриваются как потенциальные средства или препятствия для достижения имеющихся целей. Не обладая непосредственной этической окраской, такая оценка, на наш взгляд, сохраняет нормативный характер, понятие о желательном, должном.

В. Эмпирические нормы или нормы-факты

Существует и третий вид норм, с которыми имеет дело экономическая теория. Но он должен быть рассмотрен отдельно, т.к. отличается от первых двух, уже указанных нами. Его можно обозначить как норма-факт или эмпирическая норма. Она также указывает на преимущественный характер того или иного явления или его состояния, но это указание не носит элемента долженствования. Оно является следствием эмпирических наблюдений

и указывает на то, что данное явление или его состояние является наиболее часто встречающимся, а следовательно, нормальным. Это тоже своего рода оценка, но сама по себе она не имеет той ценностной окраски, которая характерна для первых двух видов норм. Она констатирует эмпирически выявленный факт, тем самым ограничиваясь объективным описанием того, что есть.

Тем не менее, такого рода нормы в рамках определенных научных подходов приобретают дополнительное ценностное значение. В первую очередь, они получают особое содержание в рамках методологии номотетических наук, которые опираются на анализ регулярных, повторяющихся явлений и зависимостей. Утверждение, что тот или иной феномен является нормальным, придает этому феномену приоритетное значения как объекта исследования. В данном случае норма-факт определяет научную значимость явления, в отличие от первых двух норм, которые формируют этическую и практическую значимость явлений. О том, что эта значимость не безусловна и скорее относится к области научных ценностей, говорит существование школ, которые критически относятся к доминированию номотетических методов, в частности в экономической теории²⁷.

В рамках определенного историко-экономического подхода таким нормам придается логическая и практическая значимость. Фактически они превращаются в норму второго вида. В целом ряде теорий нормальному состоянию приписываются такие положительные свойства как устойчивость, выживаемость, наилучшая согласованность с окружающим миром, апробированность и т.д. В качестве примера в первую очередь можно упомянуть теории, исходящие из идеи исторического прогресса. Если принята предпосылка о прогрессивном характере развития, в частности, экономики, то утверждение, что одна форма сменила другую или является исторически устойчивой (норма-факт), равносильна утверждению, что эта форма является наиболее прогрессивной на данном историческом этапе (норма-ценность). Аналогичная трансформация первой нормы во вторую возникает и в рамках теорий социального дарвинизма и различных эволюционных теорий, которые предполагают, что эволюция идет по линии совершенствования форм общественной организации. Любые формы традиционализма – это та же трансформация нормы-факта в норму-целесообразность. То, что существует испокон веков – устойчиво, проверено, жизнеспособно.

Г. Непрозрачность экономических фактов и проблема ценностных суждений

Нами были рассмотрены три вида норм, два из которых вытекают из характера предмета экономической науки, а один не связан с указанными нами особенностями экономических фактов, но в рамках целого ряда экономических школ приобретает

²⁷ См., например, Weber M., 1949, p. 69-83

ценностное значение. В дополнение к сказанному следует указать еще на одну причину, по которой телеологический характер предмета экономической науки формирует поле для появления нормативных суждений. Во-первых, экономические факты, в силу их связи с внутренними мотивами поведения человека, значительно менее прозрачны для внешнего наблюдателя. Их причины кроются не только во внешних наблюдаемых процессах, но и в области сознания людей, которое лишь опосредованно проявляет себя во внешних явлениях. В этой связи экономические факты не поддаются эмпирическим исследованиям в той степени, что и факты неживой природы.

Во-вторых, эти факты, то есть их свойства и зависимости, не могут считаться устойчивыми. При всей своей повторяемости, они принципиально изменчивы, т.к. зависят от причин, природа которых мало изучена и в то же время подвижна, в той степени, в какой человек обладает свободой воли²⁸. Эти факты зависят от субъективных предпочтений людей, субъективного восприятия собственных предпочтений, которые могут меняться в любой момент, причем без какой-либо видимой причины и без каких либо внешних проявлений произошедшего изменения.

Эти чисто методологические проблемы в действительности также формируют поле для появления ценностных суждений. Как пишет М. Фридман, «расхождение прогнозов о степени распространенности так называемой «экономии на масштабе» в значительной степени объясняет расхождение взглядов по вопросу о желательности или необходимости детального государственного регулирования отрасли и даже по вопросу о сравнительных преимуществах социализма над частными предприятиями».²⁹ Речь идет о том, что отсутствие строгих доказательств открывает простор для ценностно окрашенных спекуляций. Если существуют строгие доказательства причин и следствий тех или иных явлений, то ценности подстраиваются под эти доказательства. Если таких доказательств нет, они начинают играть самостоятельную роль.

Непрозрачность экономических фактов создает препятствие и для применения методов, которые были предложены в рамках современных теорий науки для отсечения позитивного знания от не-позитивного, в том числе ценностно окрашенного. Речь идет о методах верификации и фальсификации, согласно которым любое утверждение, если оно не подтверждается эмпирическими исследованиями (или не является принципиально опровержимым с помощью эмпирических доказательств) относится к области не-научных, некритических суждений. В рамках методологии фальсификационизма эти суждения фактически рассматриваются как ценностные. Но в случае, если экономические факты в

²⁸ См. об этом Knight F., 1922, pp. 454-481, а также Мизес Л., 2000

²⁹ Фридмен М., 1994, с. 20-52

силу телеологического характера не могут быть описаны на основе чисто эмпирического анализа, то применение таких методов приводит как минимум к искажениям. Об этом подробно рассуждал Ф. Найт в ходе своей критики методологических работ Т. Хатчисона³⁰.

Таким образом, можно утверждать, что телеологический характер экономических фактов формирует принципиальную возможность для появления оценочных суждений в экономической теории.

II. История интерпретаций экономических фактов

В ходе развития экономической науки предлагались различные подходы к решению проблемы ценностной окрашенности экономического знания. Одним из таких подходов стало моделирование экономических фактов, в частности экономического поведения с целью придания им естественнонаучного характера³¹. Это подтверждает тезис о том, что природа ценностной нагруженности экономической науки в том числе кроется в телеологическом характере экономических фактов.

П. Козловский считает, что механистическое мирозерцание в целом восходит к работам Т. Гоббса и Б. Мандевиля и утверждает, что именно в ходе распространения такого мировоззрения начинается процесс отделения этики от экономической науки³². Что касается реинтерпретации экономических фактов, то особенно показательными являются экономические тексты, относящиеся к периоду зарождения научной экономической теории – XVII-XVIII вв.³³ Переход от стиля философских нравоучений или политических памфлетов к научному анализу происходит параллельно с распространением идеи о существовании объективных, т.е. не зависящих от воли человека, закономерностей хозяйственной жизни. Именно преодоление телеологического характера фактов, указание на объективные законы позволяют характеризовать тексты, например, Д. Норса и Д.Юма как «переходные», формирующие научный подход к анализу экономики. Сами эти ученые хорошо понимали значение нового метода. Дадли Норс свой трактат о торговле начинает с выражения восхищения новым научным подходом, предложенным Декартом, который

³⁰ Knight F., 1940

³¹ Следует сразу отметить, что реинтерпретация экономических фактов как естественнонаучных была не единственным средством, которое использовалось для формирования позитивной экономической теории. В ходе развития науки был предложен целый ряд чисто методологических решений проблемы – отделение чистой теории от практики (Дж.С.Милль), выделение этики, теории и практики как трех подходов к анализу экономической реальности (Дж.Н.Кейнс), наконец, применение методологии конфирмационизма Р.Хатчисон) и фальсификационизма (К.Поппер, М.Блауг) как средств «очищения» теории от оценочных суждений.

³² Козловски П., 1999

³³ Следует отметить, что идеи о существовании объективных законов появляются еще в XIV в., в частности в Трактате о деньгах Николая Орезма, в котором в качестве аргумента против манипулирования валютным курсом выдвигается тезис о существовании объективных законов, которые ограничивают власть Принца и вопреки его воле могут действовать против его интересов.

он называет механическим, определяет как «построенный на ясных и очевидных истинах» и который он противопоставляет традиционной в ту эпоху метафизической интерпретации мира³⁴. Этот метод он считает новым инструментом анализа, который наконец позволит внести ясность в экономические знания. «Ясные и очевидные истины», о которых пишет Д. Норс, это и есть внешне наблюдаемые причины и взаимосвязи, без вникания во внутреннюю суть процессов (цели, сущность, метафизический смысл).

Д.Юм также связывает научный метод исследования с поиском объективных причин и следствий наблюдаемых процессов. В этой связи экономическое знание представляется научным в той степени, в какой оно способно раскрывать эти объективные зависимости. И хотя в своих экономических эссе Д. Юм представляет экономику как взаимодействие объективных законов и целенаправленной воли людей, в них четко прослеживается стремление выявить те зависимости, которые можно было бы сопоставить с физическими законами.

Важно проанализировать, на чем основана идея объективности законов хозяйственной жизни, которая была выдвинута в период зарождения экономической науки. Экономические факты продолжали рассматриваться как результат действий людей, т.е. как результат субъективных решений. Сложно представить, чтобы Д. Юм или А. Смит отрицали моральные основания поведения людей. Экономическая теория в тот период еще является частью дисциплины, которая носит название «моральная философия». На наш взгляд представления об объективности экономических фактов, выраженные в форме поиска объективных законов, базируются на двух посылах. Первая – это представления о том, что экономическая система как некий механизм действует вне зависимости от воли человека, а часто и вопреки этой воле. Зарождение таких представлений легко прослеживаются еще в текстах Николая Орезма и ряда меркантилистов, которые доказывают, что существуют законы системы, которые могут обернуть действия Принца против его интересов. Этот тезис, в частности, был важным элементом критики стремления государей манипулировать денежным обращением.

Вторая связана с традицией естественного права, которая исходит из существования универсальных законов человеческой природы, столь же объективных и неотвратимых в своем действии, как и законы природы.

Отождествление характера материального мира и природы человека и сформировало основу для объективизации действий людей. Последние представлялись не как результат выбора, а как результат проявления универсальных природных свойств человека в ответ на влияние внешней среды. В частности Д. Юм, интерпретируя закон обращения денег

³⁴ Норс Д., 1935 г., с. 298

как универсальный, схожий по своей природе с физическими законами, пишет следующее: «Существует нравственный закон тяготения, основанный на интересах и страстях людей, не менее могущественный и непогрешимый»³⁵.

В качестве иллюстрации приведем рассуждения А.Смита, тем более что его теория на долгие годы определила подходы экономической науки к интерпретации экономического поведения. Во-первых, А. Смит исходит из того, что природа человека столь же универсальна, как и материальная природа, т.е. первоэлементы экономической системы столь же однородны и неизменны по своему качеству, как и атомы физического мира. Логически необходимым является его немного странное утверждение о том, что по своим природным свойствам люди различаются между собой меньше, чем собаки, относящиеся к одной породе³⁶. Имеющиеся различия являются результатом воздействия внешних (наблюдаемых) факторов, а именно вынужденного разделения труда. Таким образом мы получаем объективные свойства человеческой природы, которые формируют универсальный тип экономического поведения.

Далее он выделяет два универсальных моральных свойства человеческой природы – эгоизм и склонность к обмену³⁷. Эти свойства рассматриваются как врожденные, а следовательно базовые и неизменные для любого человека, что позволяет придать им объективный характер, аналогичный законам неживой природы. Указанные два свойства составляют основу смитовской модели экономического человека. На них строится и вся система экономических взаимосвязей. Эти идеи напоминают идеи Гельвеция, современника Смита, а также уже упоминавшиеся высказывания Юма. Гельвеций более последовательно проводил аналогию между законами морали и физическими законами, в частности утверждая, что «естественное» стремление человека к выгоде для этики играет такую же роль, как «всемирный закон тяготения» в физике.

Тем не менее если склонность к обмену является абсолютной предпосылкой экономических отношений, то эгоизм – столь же естественное свойство природы, не является единственно возможным основанием обменных отношений. Было бы упрощением утверждать, что Смит полностью сводил моральную природу человека к эгоизму. Даже в своей экономической работе он упоминает о способности человека к

³⁵ Юм, Д., 1896 г., с. 59

³⁶ «Различные люди отличаются друг от друга своими естественными способностями гораздо меньше, чем мы предполагаем... Многие породы животных, признаваемые принадлежащими к одному и тому же виду, отличаются от природы гораздо более резко выраженным несходством способностей, чем это наблюдается, по-видимому, у людей, пока они остаются свободными от воздействия привычки и воспитания» Смит А., 2007, с. 78

³⁷ Смит А., 2007, с. 76 - 79

состраданию, жалости, милосердию и прочим чувствам, которые также могут быть основой обмена между людьми.

Здесь важную роль начинает играть система, в которой функционирует человек. А. Смит утверждает, что эгоизм – это наиболее эффективный путь налаживания устойчивых отношений обмена в условиях существующей системы. Речь идет о системе *расширенного* взаимодействия экономических агентов, которую характеризует обезличенность отношений между людьми. В ней существует большое количество взаимозависимых игроков, и эти игроки в силу широты экономических контактов не в состоянии налаживать личные связи между собой. В этой ситуации логично опираться на единственный универсальный, а следовательно действенный в любой ситуации мотив – эгоизм.³⁸ Только такой тип поведения представляется Смиту безошибочным и, фактически, единственно возможным в условиях обезличенности отношений³⁹.

Идея влияния размеров экономических взаимосвязей на характер межличностных отношений подробно анализируется целым рядом современных экономистов. В частности, Ф.Хайек в своей теории «расширенного порядка» демонстрирует объективные предпосылки доминирования «экономического человека» как модели поведения в современной экономике, тем самым исключая из поведения любые мотивы, кроме экономического (рационально-эгоистического). Эту же идею развивает Дж.Бьюкенен. По аналогии с известной «дилеммой заключенных» он выводит «этическую дилемму больших групп», с помощью которой доказывает, что чем шире экономические связи, тем больше вероятность, что человек предпочтет действовать, следуя не моральным законам, а персональной выгоде⁴⁰.

Помимо этого такая система расширенного взаимодействия вводит в действие закон больших чисел, что также приводит к объективизации экономических процессов. Во-первых, усредняются любые оставшиеся проявления уникальности поведения людей и их предпочтений. Поскольку вес одной единицы в этой системе является ничтожным, существенными становятся лишь средние величины и усредненные характеристики действий людей. Уникальные мотивы поведения нивелируются. На первый план вновь выходит универсальная составляющая человеческой природы, а именно эгоизм.

Во-вторых, отдельный индивид теряет возможность влиять на систему. В силу малого веса одного агента система слабо реагирует на его поведение и, следовательно, выходит из под его контроля. Ему остается только подчиняться ее законам, приобретающим характер неотвратимых. В результате экономический механизм,

³⁸ Смит А., 2007, с. 77

³⁹ См. об этом: Козловски П., 1999, с. 17-18; Buchanan James M., 1965

⁴⁰ Buchanan J. M., 1965, p.1-13

зародившийся как совокупность межличностных отношений, приобретает объективный характер, подобный явлениям природы. На это, в частности обращает внимание Бьюкенен. Он пишет, что в силу отсутствия в больших системах межличностной коммуникации, возможности для отдельного человека договориться, проявить свою волю, такие системы воспринимаются людьми как явления природы⁴¹. В качестве примера такой системы Бьюкенен приводит модель совершенной конкуренции, где все экономические явления (в частности, цены) приобретают объективный характер, схожий с явлениями природы, поскольку ни один субъект не в состоянии повлиять на них. Логично, что если так эти сообщества воспринимает действующий субъект, они могут аналогичным образом восприниматься и исследователем. Тем самым формируется дополнительная предпосылка, позволяющая применить естественнонаучный метод для анализа экономического поведения.

Для А. Смита также важен обезличенный характер экономических явлений. В частности, когда он пишет о процессе разделения труда, он активно подчеркивает, что не по воле людей оно создается, что это обезличенный процесс развития экономических отношений под влиянием универсальной природы человека⁴².

Какого результата достигает такая интерпретация поведения? Она убирает элемент свободы из модели поведения человека, а также утверждает независимость экономической системы от воли отдельного человека. В результате поведение экономического агента превращается в объективный факт. Оно представляется как проявление универсальных объективных свойств моральной природы человека, а также результат действия существующей экономической системы (как имеющейся системы разделения труда, определяющей профессиональные свойства человека, так и расширенной системы экономического взаимодействия, диктующей требование обращаться исключительно к эгоистической природе человека и нейтрализующей все иные способы взаимодействия). Таким образом, она открывает поле для разработки чисто научного метода экономического анализа, основанного на применении причинно-следственного анализа, на эмпирическом опыте и наблюдении.

Связь между характером фактов и методом их исследования прослеживается и в работах Дж.С.Милля. Как известно, в своем эссе 1844 года «Об определении политической экономии и о присущем ей методе исследования»⁴³, Дж.С. Милль разделяет физические науки и науки о морали. Первые изучают явления в той степени, в какой они зависят от действия материальных законов. Вторые изучают явления в той степени, в

⁴¹ Buchanan J. M., 1965, p.7, 9

⁴² Смит А., 2007, с. 76

⁴³ Mill J.S., 2003

какой они зависят от законов, определяющих сознание людей. Последние касаются целей, которые ставит перед собой человек, и средств, которые он выбирает для их достижения.

Дж. С. Милль утверждает, что любые факты, касающиеся взаимодействия человека и окружающей среды, имеют комбинированный характер. Их причины кроются в действии как материальных, так и моральных законов. В той степени, в какой экономические факты зависят от законов природы, они являются предметом таких естественных наук как физика, химия, биология (речь идет о технологиях производства, а также о биологических потребностях человеческого организма). Собственно политическую экономию он относит к наукам о морали. Он считает, что она изучает экономические явления в той степени, в какой они зависят от законов морали.

Каким образом характер предмета влияет на метод исследования? Дж. С. Милль утверждает, что в отличие от физических наук, науки о морали относятся к априорным, абстрактным наукам. Их основой являются не факты, а предположения. Это единственно возможный метод исследования моральных законов, которые, по мнению Милля, являются крайне сложным объектом для эмпирического исследования. С его точки зрения проблема заключается в том, что мир человеческого действия не воспроизводим в условиях лаборатории в силу своей многофакторности. Это формирует принципиальную невозможность постановки эксперимента, а тем более постановки «решающего эксперимента», на котором основаны доказательства в физических науках. Использование примеров из реальной истории также не дают возможности для анализа отдельных закономерностей, т.к. невозможно найти две ситуации, для которых выполнялось бы условие «при прочих равных». Таким образом, если науки о природе носят эмпирический характер и основаны на анализе фактов, то науки о морали носят априорный характер и основаны на предположениях о законах человеческой природы.

При этом оба вида наук – и физические, и моральные – относятся Дж.С. Миллем к области позитивного знания. В рамках его методологии водораздел между позитивной и нормативной теорией лежит не между науками о природе и науками о поведении людей, а между различными задачами, которые ставит перед собой исследователь. Таким образом, Дж.С. Милль использует методологический подход для выделения чистой позитивной теории – он пишет о науке как процедуре исследования того, что есть и об искусстве, как своде представлений о том, что должно быть.

Чтобы понять, связано ли разделение между наукой и искусством с представлениями Дж.С. Милля о природе экономических фактов, необходимо для начала проследить, что позволяет Дж.С. Миллю говорить о том, что поведение людей, подчиняющееся действию законов морали, может быть предметом научного анализа. Это тем более важно, что

методологическая позиция Дж.С. Милля оказала непосредственное влияние на историческую школу (в частности, на принцип разделения наук о природе и наук о духе В. Зомбартом⁴⁴), а также содержит в себе целый ряд подходов, которые в дальнейшем получили свое развитие в рамках институционализма.

Во-первых, с точки зрения Дж.С.Милля научный анализ поведения людей в рамках экономической теории может быть основан исключительно на априорном предположении о том, что это поведение подчинено действию одного единственного мотива – стремления к наибольшему богатству. Дж.С. Милль объясняет, что это предположение не имеет отношения к реальности, оно является теоретической предпосылкой; и в этой связи политическая экономия должна претендовать на применимость своих выводов лишь в той степени и в тех областях, где указанный мотив играет доминирующую роль. Для нас важно то, что эта предпосылка придает поведению человека полностью детерминированный характер. Действия людей предстают как результат проявления одного единственного мотива и, что немаловажно, природа этого мотива имеет безусловный универсальный характер, аналогичный свойствам неживой природы. Милль пишет: «Она [политическая экономия] предполагает, что человек это существо, которое *обречено* [курсив – И.Ч.], в силу требования своей природы, предпочитать больший размер богатства меньшему».⁴⁵ Таким образом чистая экономическая теория опирается на определенную, априорную модель поведения, которая позволяет представить это поведение как результат действия законов природы. Это некая абстракция, в рамках которой действует не человек, а чистый экономический интерес. Основанные исключительно на таком мотиве, действия лишены свободы воли, которая является составной частью понятия «целенаправленное действие». Они теряют самостоятельное значение и предстают как простое проявление универсального закона, корнящегося в природе человека⁴⁶.

С другой стороны, для того, чтобы компенсировать «узость» политэкономической модели человека, Милль предлагает дополнить политическую экономию наукой о типах поведения людей, этологией, которая представляла бы собой научный анализ проявления не экономических мотивов в хозяйственной жизни. Милль предлагает строить метод этой науки на поиске институциональных причин различных типов поведения. Это согласуется

⁴⁴ Sombart W., 1960, pp.14-15

⁴⁵ Mill J.S., 2003, p. 69

⁴⁶ Фактически Милль при создании своего homo oeconomicus применяет тот же принцип, что и Смит. Но в работе Милля правомерность использования этого принципа уже не имеет онтологических оснований. Милль не доказывает, что существование экономического человека – реальный, эмпирически или рационально доказуемый факт. Эта модель имеет методологическое основание. Она является теоретическим предположением, на котором и только на котором возможно построение *научной* экономической теории.

с общей позицией Милля, которая легла в основу его метода индукции. Милль исходит из принципиальной возможности свести все явления к цепочке объективных причинно-следственных связей. Проблема заключается лишь в том, что эта цепочка может быть слишком длинной в отношении таких комплексных явлений, как моральные факты. Предлагаемый Миллем метод типизации направлен на то, чтобы сформировать подобные причинно-следственные цепочки, свести специфические особенности поведения людей к объективным причинам – особенностям воспитания, культуры, традиций, моральных норм, идеологии, профессиональных кодексов, т.е. влиянию внешней институциональной среды, в которой человек вырос. В результате специфические действия человека перестают носить субъективный, а, следовательно, возможно произвольный характер, что и позволяет применить научные методы для анализа этого действия.

Аналогичный подход будет развит в дальнейшем в работах Г. Шмоллера, который утверждал, что действия человека можно представить как результат действия трех векторов – экономического мотива (предмет политической экономии), институциональной среды (предмет исторической школы) и воли. Именно два первых вектора составляют предмет научного анализа⁴⁷.

Таким образом, научный анализ экономических фактов в теории Милля согласуется исключительно с объективизированной интерпретацией поведения человека, т.е. требует поиска внешних причин этого поведения, кроющихся либо в универсальных законах человеческой природы, либо в институциональных законах имеющегося социума. Как только речь заходит о том, что определенные экономические процессы являются следствием свободного выбора человека или сообщества людей, Милль сразу говорит о необходимости разделять теорию и искусство, и именно к области искусства относить все, что касается этого свободного выбора. К такой области Милль относит сферу распределения. Принципиальным свойством этой сферы является зависимость законов от выбора человека. Выбор же зависит от оценочных суждений, которые не могут быть предметом позитивного анализа, согласно Миллю. Поэтому в разделе, посвященном сфере распределения, Милль выделяет две техники анализа. Одна относится к области чистой теории, другая – к области искусства, нормативного знания. Он пишет, что законы люди могут выбирать произвольно и критерии выбора, а также рекомендации в области направлений выбора – это область искусства, которая имеет дело с ценностными категориями. С другой стороны, однажды выбранные законы приводят к последствиям, причины которых носят объективный характер и не зависят от воли человека. Именно этот факт, согласно Миллю, формирует поле для научного анализа: ученый может

⁴⁷ Шмоллер Г.Ф., 1902

проанализировать объективные последствия различных законов распределения. Оценивать и сравнивать эти последствия, делать выводы относительно того, какие законы являются более приоритетными – дело искусства⁴⁸.

Таким образом, в рамках методологии, предложенной Миллем, научный анализ экономических явлений также оказывается применим только к тем фактам, причины которых могут быть представлены как естественнонаучные, т.е. объективные, не зависящие от свободы воли человека.

Наиболее последовательно связь между телеологическим характером экономических фактов и нормативной нагруженностью экономического анализа прослеживается в концепции экономической науки, предложенной Л.Вальрасом. Л. Вальрас не пытается моделировать экономические факты с целью представить их как результат действия объективных причинно-следственных связей. Но он выделяет три вида фактов, с которыми имеет дело экономическая наука, и для каждого вида определяет свой тип экономического анализа. Те факты, которые связаны с действиями людей, он относит либо к области искусства (отношения человек-вещь), либо к области этики (человек-человек). Научный же анализ, согласно Л. Вальрасу, возможен лишь по отношению к тем фактам, где человека не существует – отношения вещь-вещь⁴⁹. Вальрас напрямую устанавливает связь между характером предмета и метода исследования. Он говорит о том, что наука занимается «наблюдением, изложением и объяснением» фактов. Факты бывают двух видов. Одни представляют собой следствие действия сил природы, другие же являются результатом действий людей. Отличие этих двух фактов заключается в том, что человек – это сила, которая обладает самосознанием и может управлять собой. Этого нельзя сказать о силах природы. Из этого утверждения Вальрас делает вывод, что факты природы можно только наблюдать, излагать и объяснять. Это как раз те операции, которые являются прерогативой научного метода. Факты гуманитарные, т.е. связанные с деятельностью человека, требуют не только наблюдения и объяснения, но и управления. В той степени, в какой они требуют наблюдения, они относятся к моральной науке. Когда же речь заходит об управлении, эти вопросы изучает искусство. Таким образом, чистая теория занимается исключительно естественными фактами.

К такого рода фактам Вальрас относит все, что касается механизма ценообразования. Он считает, что процессы обмена товаров – единственная область экономического знания, где могут применяться естественнонаучные методы. В этой связи важной составляющей его методологической позиции является то, что он рассматривает меновую стоимость –

⁴⁸ Этот вывод повторяет М.Вебер: М. Weber, 2002

⁴⁹ Вальрас Л., 2000, Раздел 1.

центральную категорию обменных процессов – как естественнонаучный факт. Он пишет: «Меновая стоимость – это свойство определенных вещей.... Предоставленная самой себе, [она] возникает естественным образом на рынке под воздействием *конкуренции*»⁵⁰. Вальрас настаивает на том, что цены не устанавливаются людьми и даже не зависят от их предпочтений. Это продукт системы, рыночного механизма. Говоря о стоимости пшеницы, он пишет, что «данный факт носит характер факта естественного. Эта стоимость ... не зависит ни от воли продавца, ни от воли покупателя, ни от соглашения между ними»⁵¹.

III. Заключение

Исходным пунктом представленных в статье рассуждений о природе оценочных суждений в экономической теории стал тезис о том, что причиной нормативной нагруженности экономической теории является телеологический характер экономических фактов, который в свою очередь вытекает из их связи с целенаправленными действиями людей. Последние предполагают определение целей и средств для их достижения, а следовательно связаны с субъективными оценками значимости тех или иных экономических явлений.

В ходе исследования были выделены три вида норм или оценочных суждений, которые встречаются в экономических теориях. Это этические нормы, логические (прагматические (?)) нормы и эмпирические нормы. Первый вид норм представляет собой проявление этических воззрений, присущих автору, либо той культурной среде, в рамках которой создается теория. Они касаются проблемы соотношения экономики и этики и определяют этическую значимость фактов. Второй вид норм логически выводится в рамках определенной теории и позволяет оценивать средства достижения определенных целей, их эффективность. Такие нормы определяют практическую значимость фактов. Появление таких норм связано с проблемой отделения экономической теории и экономической практики. Была выявлена связь между этими двумя видами норм и телеологическим характером экономических фактов, который фактически формирует поле для их возникновения.

Третий вид нормы – норма-факт или эмпирическая норма, с одной стороны, не является специфическим явлением именно экономического знания. Оценочный характер этих норм задает методология номотетических наук, в рамках которой нормы-факты

⁵⁰ Вальрас Л, 2000, с. 35-36

⁵¹ Вальрас Л, 2000, с. 21

фиксируют научную значимость явлений. С другой стороны, этот вид нормы может приобретать дополнительное оценочное содержание.

В качестве подтверждения идеи о существовании связи между характером предмета и метода экономического анализа были приведены примеры интерпретаций экономических фактов и вытекающих из этой интерпретации принципов научного исследования. На наш взгляд попытки нивелировать телеологический характер экономических фактов, придать им естественнонаучный характер путем выявления исключительно объективных причин экономических явлений, непосредственно связаны с формированием научного метода анализа экономики. Это не исключает существования других подходов к созданию позитивной теории, в частности чисто методологических, связанных с определением научных задач и научных методов анализа. Тем не менее, моделирование поведения экономических агентов с целью его объективизации остается составной частью современной экономической науки.

Библиография

- Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД, 1994.
- Блауг М. Методология экономической науки. М: Вопросы экономики, 2004.
- Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. М.: Экономика, 2000.
- Кейнс Дж.Н. Предмет и метод политической экономии, М.: 1899.
- Козловски П. Принципы этической экономии. СПб: Экономическая школа, 1999.
- Мизес Л.фон. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории, М.: Экономика. 2000.
- Норс Д., Очерки о торговле, трактующие главным образом вопросы о процентах, чеканке, обрезе, увеличении денег, 1691 г.// В кн. И.С.Плотников, Меркантилизм, Ленинградское отделение ОГИЗ, 1935 г., с. 298
- Плотников И.С. Меркантилизм, Ленинградское отделение ОГИЗ, 1935.
- Самуэльсон П. Основания экономического анализа, 2002.
- Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли, М.: Прогресс, 1968.
- Скидельски Р. Д.М. Кейнс, 1883-1946. Экономист, философ, государственный деятель. Книга 2, пер. с англ., М.: Московская школа политических исследований, 2005.
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов, М.: Эксмо, 2007.
- Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS, 1994, вып. 4.
- Хайек Ф. А. Индивидуализм и экономический порядок, М., 2001.
- Чаянов А.В., Организация крестьянского хозяйства, М., 1989 г.
- Шмоллер Г.Ф. Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы, М., 1902.
- Юм, Д., Опыты, пер. М.О.Гершензона, М.: «Солдатенков», 1896.
- Buchanan J.M. Ethical rules, expected values, and large numbers // Ethics. An international Journal of social, political, and legal philosophy, October 1965, vol. 76, n.1.

- Heilbroner R.L., Economics as a “value-free” science // *Social Research*, 1973, 40
- Homans G. What kind of a myth is the myth of a value-free social science? // *Social Science Quarterly*, vol. 58, №4, March 1978.
- Hutchison T.W. The significance and basic postulates of economic theory, NY, 1960.
- Knight F. Ethics and the Economic Interpretation // *Quarterly Journal of Economics*, 36 (May 1922).
- Knigh F. “What is Truth in Economics? // *Journal of Political Economy*, vol. XLVIII, n.1 (Febr. 1940).
- Mill J.S. Essay V. Sur la définition de l'économie politique; et sur la méthode d'investigation qui lui est propre, Paris: Michel Houdiard Editeur, 2003.
- Sombart W. , Die Drei Nationalökonomien. Об этом - Hutchison T.W., 1960,
- The philosophy of economics. An anthology, 2 ed., edited by D. Hausman, Cambridge University press, 2002.
- Weber M., Objectivity and understanding in economics (1949) // The philosophy of economics. An anthology, 2 ed., edited by D. Hausman, Cambridge University press, 2002, p. 69-83